

ствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им — славу". Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Епифане. . .» (310).

Из приведенных текстов видно, как Радицев изменял, дополнял или сокращая, статью Бекмана, чтобы усилить впечатление от гонений, которым подвергались писатели со стороны духовной и светской власти еще во времена язычества. «Еще больше злобы, — говорит он, — проявили христианские священнослужители против писателей, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. . .» (312). Изложив гонения греческих императоров и вселенских соборов «на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы» понимал с ними различно, Радицев спрашивает: «Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера и, если бы вселенские соборы не были созданы, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!» (313). Ни этого вопроса, ни восклицания нет у Бекмана. Слив конец второй его статьи с началом первой, Радицев пишет: «Ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: „У меня просите дозволения, если уста ваши хотите отверзать на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глухим, мерзким, негодным. Такое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству и цензура была современна инквизиции“» (314). В то самое время, как монахи учредили цензуру, Колумб отважился на свой открытия, затем выступили Коперник, Кеплер, Ньютон, «но, — сожалеет Радицев, — мысль великая рождала иногда невежество: книгопечатание родило цензуру, разум философский в XVIII столетии произвел иллюминатов» (315). Этих размышлений также нет у Бекмана; зато он приводит много разных справок о книге «Nosce te ipsum» и надпись на ней Матвея Герардо:

«Мы, Матфей Герардо, божим милосердием патриарх венецианский, первенствующий в Далмации, по рассмотрении [книги] выше писанными господами, свидетельствующими о вышеписанном труде и по таковому же их заключению и по присоединенному доверению, также свидетельствуем, что книга сия православна и совершенно богобоязлива», и замечает: «Таким образом уже очень рано были цензоры, которые сами книг не читали».¹ Радицев, опуская библиографические детали, имеющиеся в статье Бекмана, пишет: «В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозво-

¹ «Nos Matheus Girardo, miseratione divina patriarcha Venetiarum Dalmatiaeque primus, ex inspectione supra scriptorum dominorum, qui fidem faciunt de supra scripto opere et ex tali sua conclusione et fide conjuncti idem testificamur esse opus orthodoxum et devotum», — замечая: «Also gab es schon so früh Censoren, welche die Bücher selbst nicht lasen».